

Александр Дюма
ЩЕЛКУНЧИК

Перевод:
П. Поэтт

П. Поэтт

**Щелкунчик.
Рождественская история**

«Автор»

2026

Поэтт П.

Щелкунчик. Рождественская история / П. Поэтт — «Автор»,
2026

Одна из самых любимых рождественских историй — в версии великого Александра Дюма. Это не просто пересказ сказки Гофмана, а самостоятельная история о маленькой Мари, Щелкунчике и чуде, которое рождается в рождественскую ночь. Здесь есть тайны и волшебство, битвы и превращения, заколдованные принцессы, мышинный король и далёкое королевство игрушек — но прежде всего это светлая история о любви, доброте и верности, способных победить самое страшное проклятие. Интересно, что именно версия Дюма легла в основу истории балета Чайковского «Щелкунчик». Для этого издания выполнен новый современный перевод с французского, созданный так, чтобы сохранить живой, остроумный и узнаваемый стиль Александра Дюма, но сделать текст естественным для современного русского читателя. Вечная рождественская классика — о чуде, которое начинается с доброго сердца и любви, способной победить всё.

© Поэтт П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

...	5
Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	8

П. Поэтт

Щелкунчик. Рождественская история

...

Александр Дюма

История о Щелкунчике

Париж, и здательство братьев Мишель Леви, 1860 год.

Предисловие

В котором рассказывается, как автора заставили поведать историю Нюрнбергского Щелкунчика.

У моего друга, графа М..., состоялся большой детский вечер, и я тоже внёс свою лепту в шумное и весёлое собрание, привезя туда свою дочь Мари.

Признаюсь, что спустя полчаса, в течение которых я по-отечески умилялся, наблюдая четыре или пять подряд партий в жмурки, игру в горячую руку и прочие детские забавы, которыми была занята добрая двадцатка очаровательных ребятишек восьми-десяти лет, наперебой кричавших и шумевших, я потихоньку ускользнул из гостиной и отправился на поиски тихого укромного будуара, где надеялся спокойно вернуться к своим прерванным мыслям.

Мне удалось осуществить это отступление столь же ловко, сколь и удачно, избежав внимания не только детей, что было нетрудно, поскольку они были всецело поглощены играми, но и их родителей, а это уже было куда более серьёзным достижением. Я наконец добрался до желанного будуара, но, войдя туда, обнаружил, что он временно превращён в столовую. На длинных столах громоздились пирожные и прохладительные напитки.

Однако это обстоятельство только укрепило мою уверенность в том, что до ужина меня никто не потревожит, потому что ужин подадут именно здесь. Поэтому я устроился в огромном вольтеровском кресле — настоящем кресле эпохи Людовика XV, с мягкой набивкой и округлыми подлокотниками, одном из тех кресел, которые в Италии называют *poltrona*, в стране истинных ценителей праздности. Я с величайшим удовольствием расположился в нём, радуясь мысли, что целый час проведу наедине со своими размышлениями — роскошь весьма редкую для нас, вечных слуг публики, которых беспрестанно куда-то увлекает круговорот света.

То ли от усталости, то ли по привычке, то ли от того редкого ощущения благополучия, которое я испытывал в тот момент, но спустя десять минут созерцательного покоя я крепко уснул.

Не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как я потерял ощущение происходящего вокруг. Внезапно меня разбудил взрыв громкого смеха. Я широко раскрыл глаза и увидел над собой прекрасный потолок в стиле Буше, усеянный амурами и голубками. Попытался подняться — напрасно. Я был привязан к своему креслу не менее надёжно, чем Гулливер на берегу Лилипутии.

В ту же минуту я осознал всю невыгодность своего положения: меня застигли на вражеской территории, и я оказался военнопленным.

Лучшее, что оставалось делать в подобных обстоятельствах, — это мужественно принять свою участь и попытаться мирным путём договориться о собственной свободе.

Я предложил было отвести на следующий день своих победителей к кондитеру Феликсу и предоставить в их распоряжение всю его лавку. К несчастью, момент оказался выбран неудачно: я обращался к аудитории, которая слушала меня с набитыми ромовыми бабами ртами и руками, полными маленьких пирожков.

Поэтому моё предложение было позорно отвергнуто.

Тогда я предложил на следующий день собрать всё это distinguished общество в каком-нибудь саду и устроить там фейерверк из множества бенгальских огней и римских свечей, причём маленькие зрители могли бы сами устанавливать фейерверки.

Это предложение встретило довольно тёплый приём у мальчиков; но девочки решительно заявили, что ужасно боятся фейерверков, что они не выносят грохота петард и что запах пороха их нервирует.

Я уже собирался выдвинуть третье предложение, когда услышал флейту детского голоса, тихонько шептавшего ребятишкам слова, которые заставили меня вздрогнуть:

— Скажите папе, который сочиняет истории, чтобы он рассказал нам какую-нибудь миленькую сказку.

Я хотел было возразить, но в ту же минуту мой голос потонул в детских криках:

— Ах да! Сказку, миленькую сказку! Мы хотим сказку!

— Но, дети мои, — запротестовал я изо всех сил, — вы требуете от меня самого трудного, что только есть на свете: сказку! Как же это вы собираетесь... Попросите меня рассказать *Илиаду*, попросите *Энеиду*, попросите *Освобождённый Иерусалим*, и я ещё соглашусь; но сказка! Чёрт побери! Перро — совсем другой размах, чем Гомер, Вергилий и Тассо, а Мальчик-с-пальчик — персонаж совершенно иного плана, чем Ахилл, Турн или Рено.

— Мы не хотим скучные поэмы, — закричали дети все как один, — Сказку! Сказку!

— Дорогие мои дети, если...

— Никаких «если»! Сказку!

— Но, мои маленькие друзья...

— Никаких «но»! Сказку! Сказку! Сказку! — подхватили все голоса хором, да так, что возражения уже не допускались.

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Сказка, так сказка.

— Вот и отлично! — воскликнули мои преследователи.

— Но предупреждаю вас об одном: сказка, которую я собираюсь вам рассказать, не моя.

— Без разницы, лишь бы она нас позабавила!

Признаюсь, я был несколько уязвлён тем, как мало мои слушатели заботились о том, чтобы услышать что-нибудь новое, сочинённое мною.

— А чья же это сказка, сударь? — спросил тоненький голосок, принадлежавший, несомненно, созданию более любопытному, чем остальные дети.

— Она Гофмана, мадемуазель. Вы знаете Гофмана?

— Нет, сударь, я его не знаю.

— А как называется Ваша сказка? — спросил голосок посмелее. Это был сын хозяина дома, который, очевидно, считал себя вправе задавать вопросы.

— *Щелкунчик из Нюрнберга*, — ответил я со всей скромностью. — Подходит ли Вам такая история, мой дорогой Анри?

— Хм! Так себе название, ничего интересного. Неважно, продолжай; если будет скучно, мы тебя остановим, и ты расскажешь нам другую сказку, и так далее — предупреждаю тебя, — пока не расскажешь такую, которая нас позабавит!

— Минуточку, минуточку! Я не беру на себя такого обязательства. Если бы вы были взрослыми, тогда другое дело.

— Таковы наши условия, иначе — плен навеки.

— Мой дорогой Анри, Вы прелестный ребёнок, прекрасно воспитанный, и я очень удивлюсь, если однажды вы не станете весьма выдающимся государственным деятелем; развяжите меня, и я сделаю всё, что вы пожелаете.

— Честное слово?

— Честное слово.

В тот же миг я почувствовал, как тысячи нитей, удерживавших меня, ослабли: каждый принялся за моё освобождение, и через полминуты я был свободен.

Но поскольку слово следует держать, даже если оно дано детям, я пригласил своих слушателей удобно устроиться, чтобы они могли без труда перейти от слушания ко сну, и, когда каждый занял своё место, начал так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.